

Доминика де Курсель о «Диалогах» Екатерины Сиенской

ГАЛИНА ПОМИЛУЙКО

23 СІЧНЯ 2019

«К концу XIV века, в период позднего Средневековья, появляется книга Екатерины Сиенской “Диалоги о Божьем Провидении” – текст, который посредством своей чрезвычайно сложной литературной композиции преобразовывает сугубо рациональное движение поиска божественного в движение интеллектуального созерцания; трактат, превращающий богословский язык в язык интеллекта души, то есть сложный рационалистичный язык в язык метафор, слышимый всеми и способный привести всех людей к послушанию Церкви. Метод познания, который предлагает нам Екатерина Сиенская – это путь слёз».

Фото: Fondazione Messina

Таковыми словами Доминика де Курсель кратко описывает свою статью «“Диалоги” Екатерины Сиенской или доступ сотворенного познающего субъекта к предельному совершенству: от томистического языка к языку души», легшую в основу одноименной книги.

Вышедшая в 1999 году в издательстве Cerf книга Доминики де Курсель несколько расширяет и углубляет её статью, опубликованную четырьмя годами ранее в одном из наиболее авторитетных исторических журналов Франции. Речь идёт о созданном в 1926 году журнале «Archives d'Histoire Doctrinale et Littéraire du Moyen Âge» (AHDLM). Его основателями являются философ-неотомист и медиевист Этьен Жильсон и доминиканский историк и теолог Габриэль Тери. По сей день этот крайне академически ориентированный журнал (один из членов Научного совета журнала, Ален де Либера – признанный специалист в области средневековой философии, автор книги «Средневековое мышление»), публикует на своих страницах лишь новейшие исследования в области медиевистики, подкреплённые солидной документальной базой, основанной на тщательном изучении первоисточников, а особенно манускриптов. Таким образом, сам факт публикации в подобном журнале автора, увы,

малоизвестного в украинском контексте, является своего рода визитной карточкой и гарантом тщательности и глубины исследования.

Поскольку одной из центральных проблем книги Доминики де Курсель является анализ перехода рационального томистического языка теологии в символический, а значит, глубоко метафорический язык мистического опыта, уже во вступлении автор обозначает особую важность языка в средневековом сознании. Ведь, если «Слово стало плотью», *«создание, одаренное разумом»* призвано свидетельствовать о Божественной премудрости. Поскольку же такое свидетельство всегда опосредовано языком, соединяющим видимое и невидимое, чувственное и рациональное, являющимся средством как познания, так и передачи Истины, то становится очевидна необходимость поиска языка, способного служить такой высокой цели. Святая Екатерина Сиенская, терциарка доминиканского ордена, мистик, политический деятель эпохи Авиньонского пленения и Великой схизмы и Учитель Церкви, невольно стала движущей силой такого преобразования. Как неоднократно отмечает Доминика де Курсель, комментируя фрагменты из «Диалогов» Св. Екатерины, целью книги, продиктованной в состоянии мистического экстаза, было духовное посвящение, направленное на *«более глубокое познание благодати самого Бога, поскольку за познанием следует любовь»*. *«Любя, она жаждет следовать Истине, облачиться в неё, ведь, повинаясь слову Божьему, она открывает “око разума”»*.

Вопросы, которые ставит себе автор ещё в самом начале книги, звучат так: в какой мере Екатерине Сиенской удалось понять и донести конкретным, видимым и пластическим способом богословскую мысль Св. Фомы Аквинского? Каких языковых изменений потребовала сама попытка описания экстатического духовного опыта изнутри (в отличии от Св. Фомы Аквинского, предпочитавшего молчание)? Каково место этого символического языка между теологией и духовностью, церковной латынью и народным итальянским, дискурсами политической и церковной власти и, в конечном итоге, мужским и женским опытом «познания Истины»?

В попытках ответить на вышеупомянутые вопросы автор обращается не только к первоисточнику – «Диалогам о Божьем Провидении» самой Св. Екатерины, но и постоянно ссылается на её житие «*Legenda maior sanctae Catharinae Senensis*» авторства Бл. Раймонда Капуанского, её духовного наставника и двадцать третьего магистра доминиканского ордена, а также комментирует фрагменты «Суммы теологии», «Суммы против язычников» и других текстов Св. Фомы Аквинского. Именно последние являются неоспоримым свидетельством парадоксальной для женщины тех времен включенности Екатерины Сиенской в схоластический концептуальный аппарат. Важно отметить, что для автора значительными является как точки их соприкосновения (к примеру, подчинение Богу (*ordo ad Deum*) Аквината

и послушание Богу Св. Екатерины), так и расхождения (акцент на рациональном познании Бога у Фомы и на чувственном созерцании в слезах у Екатерины).

Структурно Доминика де Курсель делит свой текст на 9 частей, отражающих как основополагающую проблематику «Диалогов», так и их языковой аспект:

- I. Знаки власти: Слово женщины, Слово Божье;
- II. «Диалоги»: экстатическая речь, духовная и политическая цели;
- III. Литературная организация «Диалогов»: необходимое посредничество Божественного Откровения;
- IV. Два участника «Диалогов» и движение желания души;
- V. От желания к послушанию: эсхатологическая концепция «создания, одаренного разумом»;
- VI. Милосердие и справедливость Божьего Провидения: об участии греховного существа в Божественной власти;
- VII. Экстатическое *consummatio totius negotii*: добродетельно следовать телу Христа, являющегося мостом к океану Истины;
- VIII. Эклесиология и эстетика;
- IX. Слезы и распознавание просветлением Истины.

Отметим также ту созвучность композиции «Диалогов о Божьем Провидении» Св. Екатерины Сиенской и текста Доминики де Курсель, к которой намеренно обращается автор. Разрушая сложившийся даже в академической среде стереотип о якобы языковой простоте «Диалогов» (о чём свидетельствуют многочисленные повторы, противоречия, бедность языковых средств и кажущаяся простота образов), автор обращает внимание читателя на литературное построение текста Екатерины и на специфическую роль её образности. Ссылаясь на исследование Джулианны Каваллини, Доминика де Курсель пишет: *«похоже, организация текста гораздо более логична и последовательна, чем предполагалось ранее, а текстовая композиция сама обладает необходимой посреднической ценностью Божественного Откровения, переданного через Катерину, однако основанной и вдохновленной богословским языком Св. Фомы Аквинского»*. Так, Каваллини, Портье (переводчик «Диалогов» на французский язык) и де Курсель настаивают на следующей символической композиции текста:

1-2 (Пролог: во имя распятого Христа и Девы Марии) соответствует 166-167 (Выводы ко всей книге);

3-12 (Доктрина совершенства и желания) соответствует 154-165 (Доктрина послушания: Воплощенное Слово, Адам, святые);

13-25 (О милосердии к народам Божиим) соответствует 135-153 (О Провидении: о всеобщем провидении);

26-87 (Доктрина о мосте: Христос, путь Истины) соответствует 110-134 (Доктрина мистического тела Святой Церкви: совершенство священнического служения);

88-97 (Доктрина слёз: состояния души на пути к Истине) соответствует 98-109 (Доктрина об Истине: три типа света, знаки радости).

Символизм также присутствует и на уровне образности. Доминика де Курсель акцентирует внимание на признании Св. Фомой Аквинским особенной роли телесных метафор и образов в описании профетического или мистического опыта, показывая тем самым, что как бы не отличался строгий схоластический язык самого Аквината, предельная метафоричность Екатерины, основанная, впрочем, на томистическом фундаменте, ни в коей мере не является радикальным языковым разрывом. Так, в «Сумме теологии», размышляя о месте метафор в Священном Писании, Фома пишет: *«В природе же человеческой устроено так, что он постигает умозрительные истины через чувственные вещи, поскольку источником наших познаний является чувственность»*.

Обращаясь к образности в «Диалогах» Св. Екатерины, Доминика де Курсель отмечает: *«В „Диалогах“ не образ ли приводит слушателей и читателей Екатерины в восходящее – метафорическое – движение, именно то движение, которое свершала экстатическая душа Екатерины, превосходя саму себя? Именно образ открывает путь к восхождению, ведь это образ Откровения, и существует множество образов, дополняющих, корректирующих друг друга и обозначающих невыразимое виртуальное единство вне множественности. Игра образов описывает метод восходящего движения. Раскрытие происходит в сокрытии или, вернее, во множестве образов, создающих сокрытое. Несомненно, именно с этой томистической точки зрения необходимо рассматривать объёмность „Диалога“. Вопрошая и двигаясь путем духовного поиска, крайне важно позволить играть сходствам, метафорам и образам их парадоксальную роль. Без сомнения, для институционально, теологически и духовно упрочнившегося в конце XIV века доминиканского ордена, было необходимо позволить парадоксальным образом играть в нём словам женщины – Екатерины Сиенской. Духовно поддерживающий Екатерину Раймонд Капуанский был особенно чувствителен к необходимости для ордена вновь открыть своё призвание вопрошания, духовного поиска и многократной открытости Другому и другим»*.

Когда Бог объявляет Св. Екатерине учение о посредничестве Христа, которое одно способно вернуть утраченное человеком первозданное совершенство, появляется центральный для

«Диалогов» символ моста, *«позволяющего пересечь реку погибели»*. Так, фундаментальный для всего текста образ Христа как моста превращает «Диалоги» в истинный христологический трактат. Будучи Истиной, Жизнью и Путём, *«Бог дарует грешной и несовершенной душе необходимые условия достижения познания себя и познания Бога, а значит, и осуществления нравственной и политической жизни»* (здесь вновь появляется томистическая перспектива, ведь не существует познания и любви Божьей вне других людей). Таково движение экстатической души Св. Екатерины, передающей Божественное Откровение Христа посредством *«открытия ока своего разума»*. Те, кто эсхатологически движутся по мосту Распятого к океану вечной Истины, образуя вместе мистическое тело Христа – Церковь – образно названы *«деревьями жизни»*, те же, кто избирает иной путь – *«деревьями смерти»*. Так, согласно Доминике де Курсель, в «Диалогах о Божьем провидении» посредством метафоричного языка сходятся воедино христология, эсхатология и экклесиология.

Особое место в образности Св. Екатерины Сиенской занимают метафоры света, соотносящиеся как с образами слёз (вспомним композиционный символизм, приведённый выше), так и с Христом- Солнцем, позволяющим *«оку разума экстатической души»* видеть. Автор отмечает, что Церковь как мистическое тело Христово является условием возможности видимости нами Солнца (вновь отчетливо заметны томистические предпосылки Св. Екатерины). Более того, Божественный свет образно видится Св. Екатерине в двух перспективах: в неоплатоническом эстетико-онтологическом языке Блага как Света и в языке Евангелия от Иоанна, называющего Воплощенное Слово истинным *«Светом мира»*.

Так, Св. Екатерина в своих мистических видениях созерцает и образно описывает тело распятого Христа: Его прибитые ноги, проколотый бок, чувствует вкус Божественной крови; она также видит деревья жизни и деревья смерти, смертельные богатства неверных служителей и прекрасные фигуры святых, она чувствует души и в их безобразии, и в их красоте. Визуальные образы переполняют страницы «Диалога» с невероятной отчетливостью и разнообразием. Образный язык Екатерины накапливает такое количество метафор, что, по словам Доминики де Курсель, *«достигает своего собственного герменевтического предела»*.

«Диалог, продиктованный Екатериной Сиенской во время переживания ею экстаза – это стремление к Истине и к познанию Бога. Этот поиск всецело основывается на том, что “вечный Бог” говорит Сам о Себе. И то, что Он объявляет о Себе, соединяет вечное и временное “отверзанием ока разума души”, и это очень близко к тому, что сказал в своем теологическом трактате о Боге Фома Аквинский посредством “сверхъестественного света и влитого знания”. Разумная “экстатическая душа” метафорически переводит богословские концепты Фомы Аквинского, предлагая тем самым сильное и тонкое, однако образное и несколько хаотичное толкование томистической мысли (особенно “Суммы теологии”), в духе

духовного течения Ордена и “отцов” его души, в частности, Раймонда Капуанского. <...> Так возникает язык разумной души – иной способ познания между философско-богословским языком и блаженным видением за пределами смерти, язык, возможно, не предвиденный даже Фомой Аквинским».

De Courcelles, D. (1999). "Le Dialogue" de Catherine de Sienne. P.: Cerf.

ГАЛИНА ПОМИЛУЙКО

23 СІЧНЯ 2019

Warning: count(): Parameter must be an array or an object that implements Countable in
/home/kairosbo/verbum.com.ua/www/wp-includes/post-template.php on line **284**